

«Но ты мне недавно обещал все это сказать, — возразил я ему. — Почему же теперь ты хочешь скрыть это от меня, мой дорогой?»

«Я не скрываю, — ответил он. — Но, как я недавно сказал, я боюсь, а потому всяким способом я стараюсь привести в замешательство твои мысли, чтобы ты не расспрашивал и не вмешивался нескромно во все те дела, которые причинят мне немалый вред».

«Расскажи мне об этом, — сказал я, — ради бога, и сам ты — в этом будет мне поручительницей сама правда — не подвергнешься беде, а мне по-дружески окажешь немалую услугу».

И вот, хотя и неохотно, однако все же уступив моей просьбе, он сел прямо и стал рассказывать; сначала он назвал земные имена судей, так как в Аиде их зовут иначе: одного зовут пропойцей, а не сыном мира, другого — вместилищем бед, третьего — якорем преступников, а четвертого — хранителем невежества¹⁶. А затем он стал, наконец, говорить о своих четырех несчастьях.

6. «О ты, самый настойчивый вопрошатель! Узнай же: когда благодетельнейший император после падения того проклятого сатрапа¹⁷ вернулся в Константинополь из путешествия в Италию и Британию, жало разнужданности не позволило мне оставаться спокойным и сохранять благоразумие, оставаясь и дальше при императорском дворе, вращаясь в среде тех, которые пребывали в нем, выполняя, как раньше, приказания владыки; нечестивыми глазами посмотрел я на одну из монахинь, которую уже тысячи перещупали, мою старинную приятельницу; тут я опять воспыла к ней любовью или, правильное сказать, был ею околдован, и дни и ночи я валандался в ее грязном теле. Когда же светлейший государь велел искать меня неведомо сколько часов, чтобы я написал его приказы, и меня нигде нельзя было найти, он, рассердившись, наказал меня своею немилостью, сделав моим заместителем и соперником Филомматея из племени злых ангелов¹⁸. Как сильно всем этим был я огорчен и как я старался отстранить своего противника и при помощи людей, бывших в центре всех дел¹⁹, и людей, выдающихся своей добродетелью и живущих в благочестии, святых и родовитых, думаю, не стоит рассказывать во всех подробностях, так как и я сам избегаю скудной многоречивости, да и по времени надо торопиться. Я скажу только одно: раздражение и огорчение, причиняемые моим соперником, бесконечное уныние, которое мной владело и днем и ночью, очень рано, как ты видишь, направили меня в царство Аида. И из четырех бед это была первая, друг мой. Затем мне пришлось иметь дело с этими прославленными святошами, или, наоборот, с вонючим гноем под белым покровом²⁰, чтобы они меня вновь вернули владыке, каким я был прежде, без соперника (ведь государь, как никто другой, склонял к ним свой слух). Но один из них обжулил меня. Причем он был из рода, считавшегося непреложной честности и непреклонного благочестия, хотя и забирал себе имущество многих. Угощая меня каждый день диким салатом, цикорием и мятыми маслинами, он то плакал, как крокодил, то стонал, как хамелеон, то, как Протей, или скорее, как осьминог, показывался все в новых красках; и вот еще, подражая приманкам рыбаков, он завлек меня,

¹⁶ За этими прозвищами скрываются, конечно, неизвестные нам имена и титулы каких-то реальных лиц.

¹⁷ Султана Баязида.

¹⁸ Такой эпитет позволяет считать это лицо представителем знатной фамилии Ангелов (см. предисловие).

¹⁹ διὰ μεταβολῶν. См. Du Cange. Gloss., p. 209.

²⁰ ξαυτοῦς ὑπόλους; если выкинуть средние буквы, то получится Ξαντοπούλου — собственное имя Ксантопулов, одной из очень крупных и известных семей в Византии.